

**CONTINUITY AND REVOLUTION IN RUSSIAN SOCIAL AND
ECONOMIC DEVELOPMENT.**

Vladimir Mau.

Working Centre for Economic Reforms,

Government of the Russian Federation

1. Введение. Логика революционной трансформации и логика исторического развития.

Системная и по существу своему революционная трансформация, протекающая в современном российском обществе, вызывает и еще долго будет вызывать острые споры относительно ее причин, характера, природы и направленности. Существующие взгляды не только различны, но и диаметрально противоположны. В различных работах развитие СССР и России на протяжении последнего десятилетия характеризуется такими терминами, как деградация и прорыв, деиндустриализация и постиндустриализация, демократия и авторитаризм, рыночная экономика и криминализованный капитализм. Каждому из этих терминов-определений, действительно, можно найти обоснование. Однако признание этого факта не продвигает нас в анализе существа происходящих процессов.

Для упорядочения всей совокупности знаний и определений, прилагаемых к посткоммунистической России, необходимо прежде всего вписать ее в контекст реальных процессов, которые проявились в современной истории и является более или менее изученными. Это позволило бы выявить некоторые опорные точки анализа, дать базовые определения и создать основу для более конкретного изучения российских реалий.

Представляется, что развитие современной России находится под воздействием трех принципиальной важности факторов. И, соответственно, можно говорить о трех взаимосвязанных процессах, протекающих в российском обществе и российской экономике.

Во-первых, существует некоторый общемировой тренд социально-экономического и интеллектуального развития, который охватывает практически все цивилизованные страны. Для конца XX века этот тренд, приобретает в полном смысле слова глобальный характер, охватывая практически все страны - или по крайней мере те из них, которые втянуты в систему мирового рынка.

Во-вторых, существует набор характерных черт посткоммунистической трансформации, по пути которой на рубеже 80-90-х годов прошли по около трех десятков стран.

Наконец, в-третьих, существует весьма специфический набор характеристик собственно российской посткоммунистической трансформации, которая, в отличие от большинства стран носит революционный характер.

Все эти тезисы нуждаются в специальном анализе и обосновании. В настоящей статье рассматриваются характерные черты трех перечисленных процессов и их влияние на социально-экономическую динамику современной России. Точнее, речь идет о выявлении и объяснении факторов кризисного развития российского общества 80-90- годов, а также предпринимается попытка выявления тенденций и закономерностей этого развития.

На этой основе в статье предпринимается попытка охарактеризовать общее и специфическое в происходящем в России трансформационном процессе. Прежде всего мы будем рассматривать эти проблемы под углом экономических и социально-экономических проблем, хотя данный подход, по нашему мнению, вполне применим и к анализу любых других процессов, протекающих в современном российском обществе.

2. Общий тренд экономического и политического развития.

История нового времени может быть описана как движение стран и регионов через три кризиса, принципиально предопределяющих их дальнейшее развитие. Эти фазы могут быть определены как:

- кризис ранней модернизации. Это период буржуазных революций и перехода к современным индустриальным системам;
- кризис индустриализма, характерный для первой половины XX века;
- постиндустриальный кризис и выход в постиндустриальное общество.

Страны, проходящие через эти кризисы характеризуются набором сопоставимых социальных, экономических и политических характеристик (GNP/per capita, literacy, share of agriculture in GNP, уровень урбанизации, тип конституционно-политического устройства, и т. п.). Это означает, что помимо собственно хронологического отсчета времени можно говорить о «социально-экономическом времени», позволяющем сопоставлять разные страны друг с другом).

Кризис ранней модернизации возникает на первых этапах экономического роста, когда этот процесс не приобрел еще устойчивого характера, однако существенно расшатал традиционные структуры и использовал весь адаптивный потенциал, которым они обладали. Если пользоваться терминологией У.Ростоу, этот кризис связан с процессом формирования предпосылок устойчивого экономического роста и практически во всех ведущих странах мира сопровождался масштабными революционными потрясениями.

Экономический анализ дает возможность охарактеризовать соответствующую фазу и выделить “зону риска”, в наибольшей мере чреватую революционными катаклизмами. Если сравнить страны, пережившие крупные революционные потрясения на этапе модернизации, по такому показателю, как ВВП на душу населения в предреволюционный период, обнаружится интересная закономерность: все они находятся в достаточно узком интервале, примерно от 1200 до 1500 долларов США (в долларах 1990 года). Мы не имеем данных по этим странам конкретно на год революций, поэтому будем использовать для сопоставления информацию на ту дату, которая хронологически наиболее близка к интересующей нас. Во Франции 1820 года этот показатель составлял 1218 долларов, причем можно предположить, что за предшествующие 30 лет войн и революций его рост был весьма незначительным, если вообще происходил. В Германии 1850 года, сразу после революции, он достигал 1476 долларов. Очень близок к тому же уровню показатель в Мексике, в 1913 году, через два года после начала революции, он составил 1467 долларов. В тот же интервал попадают обе революции в России начала века, ВВП на душу там составлял 1218 в 1900 году и 1488 - в 1913 году. К сожалению, мы не имеем сопоставимых данных для Англии первой половины 17 века, однако, исходя из данных 1820 года (1765 долларов) и грубой оценки темпов роста в предшествующий период, можно предположить, что и в этом случае значения были достаточно близкими к 1200 долларов.

Более того, примерно на тот же интервал приходятся и крупные национально-освободительные движения, сыгравшие существенную роль в модернизации тех стран, где они происходили, и иногда также рассматриваемые как революции: Американская война за независимость (ВВП на душу населения

в 1820 году - 1287 долларов, близко к французскому показателю); движение Гарибальди в Италии (ВНП на душу населения в 1870 году - 1467 долларов). Обобщенные данные по уровню ВНП на душу населения в периоды революций содержатся в Таблице 1.

Таблица 1. Уровень ВНП на душу населения в периоды революций

Страна	Год начала революции	Уровень ВНП на душу населения (в долларах США 1990 г.)	Примечания
Англия	1640	близко к 1200	расчеты В.А.Мельянцева
США	1774	1820 г. - 1287	Американская война за независимость
Франция	1789	1820 г. - 1218	
Германия	1848	1850 г. - 1476	
Россия	1905	1900 г. - 1218	
Мексика	1911	1913 г. - 1467	
Россия	1917	1913 г. - 1488	

Источник: Maddison Angus. Monitoring the World Economy 1820-1992. OECD.

Как видно из Таблицы 1, характерной чертой кризиса ранней модернизации являлась его одновременность, лишь рассмотренные нами случаи охватывают временной интервал примерно в три века. Поэтому неудивительно, что в то время как в государствах, поздно вступивших на путь модернизации, накапливались предпосылки для первого кризиса, развитые страны уже начинали сталкиваться с проблемами, порождаемыми кризисом зрелого индустриального общества.

Второй кризис более сконцентрирован во времени и относится в основном к первой трети нынешнего столетия. При всей его близости к нашему времени, изучен он достаточно плохо. Его центральное событие, Великая Депрессия конца 20-х - начала 30-х годов, часто объясняется событиями случайными или субъективными, совершенно несопоставимыми с тем масштабом перемен в механизмах функционирования развитых стран, которые за этим последовали. Тем не менее, широко признанным является тот факт, что начиная с последней трети 19 века механизм саморегулирования экономики и общества в целом на основе свободной конкуренции начинает давать сбои. Рост концентрации производства и связанных с ним форм монополистического контроля, дающего чрезмерно большую власть отдельным корпорациям, действующим в собственных интересах; обострение классовой борьбы; усиление международных конфликтов - все эти факторы явно указывали на необходимость новых форм регулирования, новых подходов к механизмам функционирования общества. Адаптация к принципиально новым вызовам времени вставала на повестку дня.

Второй кризис может быть рассмотрен в первую очередь как кризис механизмов саморегулирования. Его причины по-разному трактовались в работах современников. Так, Ф.Хайек рассматривал систему независимого планирования крупных промышленных монополий как наихудший из возможных механизмов регулирования, при котором “потребитель оказывается отданным на произвол объединенных монополистических действий капиталистов и рабочих в наиболее хорошо организованных отраслях промышленности” (Хайек Ф., 1983, с. 58). Й.Шумпетер, отвергая аргументы о тормозящем влиянии крупного бизнеса как такового на развитие экономики и

технический прогресс, видел причину предполагаемого им заката капитализма в снижении роли предпринимательства: “Совершенно бюрократившиеся индустриальные гиганты не только вытесняют мелкие и средние фирмы и “экспроприируют” их владельцев, но в конечном счете вытесняют также и предпринимателя и экспроприируют буржуазию как класс...” (Шумпетер Й., 1995, с. 187).

Как и кризис ранней модернизации, кризис зрелого индустриального общества сопровождался серьезными конфликтами, потрясениями и катаклизмами. В развитых странах наиболее яркой реакцией на него стали “Новый курс” Рузвельта и нацистский режим в Германии, который, по нашему мнению, вполне правомерно характеризовать как нацистскую революцию. Однако, в отличие от кризиса ранней модернизации, он затронул не только те страны, предпосылки для него в которых уже полностью созрели. Первая мировая война и Великая Депрессия, будучи событиями, захватившими в той или иной форме большое количество государств на различных континентах, привели к интернационализации и синхронизации второго кризиса, искусственном переносе его на те страны, в которых еще не сложилось зрелое индустриальное общество. В результате этим странам также пришлось адаптироваться к процессам, привнесенным извне. Такова была природа латиноамериканских переворотов, приведших к качественной смене экономической и политической модели развития соответствующих стран (Бразилии, Аргентины, Чили, Перу и др.), национально-освободительных движений в Азии (Турции, Персия).

Адаптация к вызовам, порожденным вторым кризисом, во всех странах в конечном счете происходила на путях уменьшения стихийности и усиления

регулирующей роли государства во всех сферах общественной жизни. В политической сфере, где реакция на кризис проявилась наиболее быстро, уже в межвоенный период, это было связано в первую очередь с нарастанием антидемократических тенденций. В ряде государств Европы, Азии и Латинской Америки были осуществлены государственные перевороты, изменились режимы и конституции. Во многих из них диктаторские формы правления пришли на смену демократиям, национально-освободительные движения сформировали базу для авторитаризма¹. Причем даже для стран, сохранивших политическую стабильность (Великобритании, Франции, США), было характерно возрастание симпатий к авторитарным формам правления.

В экономике это означало расширение масштабов государственного регулирования, включая усиление роли государственной собственности, государственных заказов, административных ограничений на пути развития бизнеса. Кроме того, государство во многом взяло на себя ответственность за стабильность экономики, не допуская краха крупных корпораций и банков, осуществляя регулирование с целью сглаживания колебаний конъюнктуры. В социальной сфере увеличивалась роль государства в социальной защите, обеспечении предоставления социальных услуг (здравоохранения, образования и т.п.), что в послевоенный период привело к появлению специального термина “государство всеобщего благоденствия”. Активизировалось и вмешательство государства в регулирование отношений между трудом и капиталом, обеспечение социального консенсуса в обществе.

¹ Анализируя эти процессы, С.Хантингтон выделяет период 1922-1942 годов как «first reverse wave», то есть как поворот вспять «первой волны демократизации». (See: Huntington, 1991, p. 14-18).

Новая роль государства нашла яркое отражение в резком росте доли государственных расходов в ВВП. В Великобритании этот показатель увеличился с 10% в 1880 году до 24% - в 1929 и почти 30% - в 1938. В Германии рост был еще более впечатляющим - с 10 до 31 и 43% соответственно. Во Франции доля государственных расходов с 1880 до 1938 года выросла почти в два раза, в США и Японии - примерно в три раза. В 1950 году эта доля по рассмотренным странам варьировалась от 20 до 35% (Мельянцев, 1996, с. 148).

В 30-е годы основы индустриальной системы были сформированы в СССР. Индустриализм приобрел здесь наиболее полные и последовательные формы. Господство крупных, монополистических форм в экономике дополнялось и закреплялось здесь господством социальной уравнительности и тоталитарным политическим режимом. Марксистский тезис о господстве «единой фабрики» приобрел здесь наиболее жесткие очертания.

3. Постиндустриальный кризис.

В 50-е годы начинают зарождаться те тенденции, которые в конечном счете привели к новым принципиальным изменениям в механизмах функционирования общества, отрицающим многие из процессов, которые сложились под воздействием второго кризиса. Серединой 50-х годов многие исследователи датируют начало перехода к новому состоянию общества, которое называют постиндустриальным, посткапиталистическим, постмодернизационным, но в последнее время наиболее часто - информационным. По некоторым оценкам, если в 1950 году в США лишь 17% работников можно было отнести к информационной сфере, в начале 80-х в

процессы создания, обработки и распределения информации в той или иной форме было вовлечено 65% работников, и лишь 12% занимались непосредственно производственными операциями. В целом по развитым странам от 1/3 до 2/5 всех занятых относятся к информационному сектору.

В постиндустриальном обществе изменяется сама база экономического развития. Поскольку носителями знания являются люди, вложения в “человеческий капитал”, в первую очередь в образование, здравоохранение и т.п., начинают играть принципиально важную роль. Повышается необходимая квалификация работников, усиливается творческий характер труда. По некоторым данным, доля работников, занятых преимущественно творческим трудом, увеличилась в развитых странах с 33-41% в начале 60-х до 45-50% в 80-х годах (Мельянцев, с. 206, 185).

Переход к новому, постиндустриальному этапу развития приводит к принципиальным изменениям условий экономической деятельности. В первую очередь это относится к преобразованиям отраслевой структуры производства. Источниками экономического роста становятся информационные технологии, наукоемкие производства, базирующиеся на широком применении микропроцессоров и биотехнологий, приборостроение, фармацевтика, аэрокосмический сектор. Их приоритетное развитие сопровождается относительным снижением роли других секторов. В течение последних десятилетий для ряда стран было характерно дальнейшее падение доли сельского хозяйства. С 1950 по 1990 год эта доля в численности занятых уменьшилась: в Германии - с 23,2 до 3,7%, в Италии - с 43,2 до 8,8%, во Франции - с 27,8 до 5,6%, в США - с 12,7 до 2,8%, в Японии - с 48,3 до 7,2%.

Все эти изменения сопровождаются глубокими сдвигами в институциональной и политической сферах. Ренессанс конкуренции и частной собственности неотделим от явления, обозначенного С.Хантингтоном как «третья волна демократизации». Причем процессы демократизации были здесь привязаны не столько к историческому, сколько к «экономическому времени» - была показана связь демократизации с определенным уровнем экономического развития, измеряемым ВВП на душу населения. С 1973 по 1990 годы количество демократических государств в мире возросло с менее чем 25% до более чем 45% (Huntington, 1991. P. 26). Причем третья волна демократизации носила ярко выраженный либерализационный характер. “Отличительной особенностью этой волны, начавшейся в странах Южной Европы и затем последовательно распространившейся в Латинской Америке, Африке, Южной и Юго-Восточной Азии, Восточной и Центральной Европе, является тесная взаимосвязь и взаимообусловленность политических и экономических реформ, одновременные становление демократических институтов и либерализация экономики, переход к рыночным механизмам как основному регулятору экономической деятельности” (Ворожейкина, 1997, с. 96).

Переход к постиндустриальной экономике, разумеется, неодномоментен, а охватывает достаточно длительный период постепенного накопления изменений. Предлагаемые периодизации этого процесса по своей структуре очень напоминают те стадии экономического роста, которые В.В.Ростов выделял для периода становления и развития индустриального общества (создание предпосылок перехода к устойчивому росту, переход к устойчивому росту, движение к технологической зрелости, высокое массовое потребление).

Пока еще совершенно недостаточно материала для того, чтобы полностью охарактеризовать временные границы и характер протекания кризиса ранней постмодернизации. До сих пор наиболее яркими его проявлениями были экономические кризисы середины 70-х и начала 80-х годов, в которых на противоречия ранней постмодернизации наложился резкий рост цен на энергоносители. Однако экономические катаклизмы не привели к столь жесткой синхронизации кризиса ранней постмодернизации, как это было характерно для кризиса зрелого индустриализма. Процесс оказался более сложным.

Особенно тяжело проходит процесс приспособления к новым постиндустриальным реалиям в странах, пошедших по пути импортозамещающей индустриализации. «Созданный в годы форсированной индустриализации и ориентированный, главным образом, на внутреннее потребление, сектор крупного промышленного производства оказался неконкурентоспособным в условиях открытия экономики, которое неизбежно вело, хотя и в разной степени, к деиндустриализации и связанным с ней тяжелым социальным проблемам» (Ворожейкина. С. 97). Преодоление ограничителей, связанных с подобным подходом, обычно сопровождается длительным периодом экономической и политической нестабильности, неоднократными мучительными попытками “реформ сверху” либерализационной и стабилизационной направленности, а в отдельных случаях даже политическими революциями.

Относительно стран Юго-Восточной Азии можно предположить, что глубокий финансовый кризис, начавшийся в этом регионе летом 1997 года, также связан со сложностями адаптации к постиндустриальным вызовам.

Сложившаяся в результате быстрого послевоенного развития хозяйственно-политическая система этих стран совмещала в себе черты индустриальной цивилизации и ориентацию на производство продукции и услуг постиндустриального характера. Здесь господствовали (и экономически, и политически) крупные финансово-промышленные конгломераты, тесно сращенные с государством. Эта связь формировала ситуацию, во многом аналогичную централизованно управляемым индустриальным экономикам: государство в конечном счете брало на себя ответственность за эффективность принимаемых руководством фирмы решений². Финансовый сектор играл подчиненную роль по отношению к индустриальным проектам и был предназначен прежде всего для обслуживания их интересов. Внутренний рынок был закрыт или почти закрыт для иностранных товаров, преимущество отдавалось привлечению иностранного капитала, причем в первую очередь портфельного. Малый бизнес, весьма развитый количественно, по причине недемократической политической структуры политически был невлиятелен, а социальные гарантии минимальны. Словом, успехи стран, которых принято относить к «азиатским тиграм», были связаны с использованием преимуществ и специфических характеристик определенного этапа социально-экономического развития страны - индустриализма. Некоторые специалисты даже искали источники силы азиатских «тигров» в экономической политике, схожей со сталинским СССР.

² Характеризуя взаимоотношения государства и фирмы, К.Лингл писал, что «rewards tended to go into private hands, whereas losses were covered through a taxpayer's fund». (Lingle, 1998. P. 3).

Таблица 2. Социально-политические события кризиса ранней постмодернизации.

Год	Страна	Событие
1973		Нефтяной шок, мировые цены на энергоресурсы резко возросли
1974	Португалия	Революция. Падение диктатуры и установление демократического режима
1974	Греция	Падение военной диктатуры
1975	Испания	Смерть Франко. Начало процессов демократизации
1978	КНР	Начало рыночных экономических реформ
1979	Иран	Исламская революция
1979	Великобритания	М.Тэтчер становится премьер-министром. Начало либеральных экономических реформ
1980	Польша	Начало массовых забастовок. Создание профсоюза «Солидарность»
1981	США	Р.Рейган становится президентом. Начало либеральных экономических реформ
1983	Аргентина	Кризис и падение военного режима
1985	СССР	Избрание М.Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС. Начало «перестройки»
1985	Бразилия	Падение военного режима и переход к демократическому правлению
1985	Уругвай	Падение военного режима и переход к демократическому правлению
1986	Филиппины	Падение режима Ф.Маркоса и формирование демократического правительства
1988	Тайвань	Решение о постепенной демократизации режима
1988	Южная	Президентские выборы и формирование демократического

	Корея	режима
1988 - 1990	Чили	Уход в отставку А.Пиночета. Демократизация режима
1989	Польша	Падение коммунистического режима
1989	Венгрия	Принятие решения об открытии границы с западными странами
1989	Чехословакия	Падение коммунистического режима
1989	ГДР	Падение «Берлинской стены»
1989	Болгария	Начало процессов демократизации
1989	Румыния	Падение коммунистического режима
1989 - 1990	СССР	Демократические выборы депутатского корпуса. Отказ от однопартийности. Избрание М.Горбачева президентом
1989 - 1990	ЮАР	Начало процессов по преодолению режима апартеида. Отмена расовой сегрегации
1990	Монголия	Отход о коммунистической системы
1990	Германия	Объединение страны
1991	Албания	Падение коммунистического режима
1991	Эфиопия	Падение прокоммунистической диктатуры
1991		Роспуск Варшавского договора и СЭВ
1991	СССР	Попытка государственного переворота. Распад страны.
1991	Россия	Приостановлена деятельность КПСС. Начало либеральных экономических реформ
1993	Россия	Принятие посткоммунистической конституции

1997		Финансовый кризис в азиатских странах, относимых к «экономическим тиграм».
------	--	--

Как отмечают некоторые авторы, кризис коммунистической системы стал в значительной мере реакцией на вызовы постиндустриальной эпохи, являясь попыткой адаптации соответствующих стран к новым процессам - как технологического, так и социально-политического характера³. “European command socialist economies collapsed when confronted with the external pressure to make a Schumpeterian leap to a higher level of technique cluster, the information-computer technology. This technology is best used and developed in the sort of individualistic entrepreneurship system associated with competitive market socialism” (Rosser and Rosser, 1997, p. 221).

Советский Союз не смог адаптироваться к вызовам времени. Точнее, не смог пойти по пути эволюционной адаптации. Можно выделить по крайней мере две причины подобного развития событий.

Во-первых, исключительная жесткость созданной в 30-е годы политической и хозяйственной конструкции. Как показывает исторический опыт, страны, вступавшие в индустриальную фазу своего развития в периода расцвета индустриализма (в первой трети XX столетия), вообще отличались повышенной жесткостью создававшихся структур, что было отчасти связано и с технологическими особенностями того времени - господством идеологии «сверхмонополизма» и торжеством крупных индустриальных форм. Технологической жесткости соответствовала и жесткость политическая:

тоталитарный режим, хотя сам несколько эволюционировал, не имел органических внутренних механизмов для восприятия внешних сигналов, вызовов, которые предполагали выход за рамки сложившихся традиций и механизмов.

Во-вторых, в 70-е годы сложились благоприятные конъюнктурные факторы для консервации традиционной советской системы. Резкий рост цен на нефть, ставших причиной глубоких структурных трансформаций во многих странах Запада и Востока, имел прямо противоположное влияние на СССР. Поток дешевых нефтедолларов позволил стабилизировать экономико-политическую ситуацию и даже обеспечить некоторый, хотя и крайне медленный, рост благосостояния населения. Попытки реформирования советской системы, интерес к которым возрос в начале 70-х, были решительно свернуты, поскольку руководство страны получило более простой (и политически гораздо более приемлемый) механизм решения социально-экономических проблем⁴.

Проблема адаптации к постиндустриальным вызовам обуславливает ряд весьма специфических характеристик развития российского общества 90-х годов и позволяет охарактеризовать некоторые тенденции этого развития. Прежде всего это позволяет объяснить либеральный характер экономических реформ в России. Вызовы постиндустриализма - не единственный фактор осуществления либеральной экономической политики (о других будет сказано

³ Одними из первых на это обратили внимание J. и M. Rosser (Rosser J.B., Rosser M.V., 1997).

⁴ См. Мау (1996, р. 31-32). На ресурсное изобилие как причину неспособности СССР (в отличие, скажем, от Китая второй половины 70-х годов) пойти по пути последовательных и глубоких структурных реформ указывает Е.Гайдар (1996).

ниже), однако фактор базовый, задающий общую основу осуществляемых реформ - в России и во многих других странах 80-90-х годов⁵.

Показателем процессов либерализации является и заметное снижение бюджетной нагрузки в ВВП. Разумеется, такая динамика применительно к России и большинству других посткоммунистических стран во многом связана с исключительно высокой бюджетной нагрузкой, которая была характерна для экономических систем советского типа. Однако в этом нельзя не видеть и отражения общемировой тенденции существенного изменения роли государства в современном мире, усиления качественных параметров его воздействия на экономику при стабилизации (или сокращении) общего фискального бремени в народном хозяйстве.

С точки зрения перспектив развития посткоммунистической России проблема эта является еще более сложной. Здесь речь должна идти не только о сокращении бюджетной нагрузки, но и о необходимости существенной рационализации бюджетных расходов, с чем связана задача глубокой реструктуризации бюджетной сферы. Проблема фактически стихийного сокращения бюджетных доходов на протяжении 90-х годов и невозможность противостоять этому процессу поставила со всей остротой вопрос о приведении расходов бюджета в соответствие с возможностями государства по сбору налогов. Причем решение этой проблемы является практически неизбежным - если оно не станет результатом сознательных, последовательных реформ, то будет достигнуто через обострение финансового кризиса и инфляцию⁶.

⁵ Собственно, именно этот момент получил концентрированное отражение в словах Ф.Фукуямы о "конце истории".

⁶ О причинах этого см. подробнее: Мау, Стародубровская (1998b), Мау (1998, с.5-6).

Характерны тенденции и в реальном секторе, в динамике производства и потребления. Резкий (практически в 2 раза) спад ВВП сопровождается значительным расширением уровня потребления. Спад производства компьютерной техники (впрочем, только в первой половине 90-х годов) сопровождается быстрым ростом ее использования. За 1990-1997 годы обеспеченность населения домашними телефонами увеличилась на треть. Количество легковых автомобилей, находящихся в личном пользовании, за годы кризиса практически удвоилось. Доля сектора услуг быстро росла и в 1997 году превысила 50% ВВП. (См. таблицы 3, 4).

Таблица 3. Отдельные показатели уровня жизни населения

(на конец года)

	1970	1975	1980	1985	1990	1992	1995	1996
Обеспеченность населения домашними телефонными аппаратами (на 100 семей постоянного населения), штук	5,7	10,1	14,4	20,1	30	33,3	38,5	40,8
Обеспеченность населения легковыми автомобилями в личной собственности (на 1000 человек населения), штук	5,5	15,3	30,2	44,5	58,6	75,7	93,3	102,8

Госкомстат

Таблица 4. Производство персональных ЭВМ, тыс. штук.

1980	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
-	8,8	313	254	137	113	82,1	62,3	118	144

Госкомстат

В значительной степени эти парадоксы связаны с тем, что экономика освобождается от чрезмерного военно-промышленного бремени, а также от бремени неэффективных производств. Разумеется, далеко не весь масштаб спада можно объяснить этим фактором. Ошибки и неудачи экономической (прежде всего макроэкономической) политики также внесли в спад производствам немалый вклад. Однако та компонента спада, которая может быть определена как структурно-адаптационная, также является весьма существенной.

С точки зрения оценки среднесрочных перспектив социально-экономического развития посткоммунистической России весьма показательной является ситуация складывавшаяся в 1997 году. Это был год, когда впервые сложилась благоприятная для роста макроэкономическая ситуация. И, соответственно, это был первый и пока единственный после начала реформ год, в который наблюдался экономический рост. То есть можно предположить, что производственная динамика в этом году может рассматриваться как модельная с точки зрения характера экономического роста в будущем, когда вновь будут созданы благоприятные для этого макроэкономические предпосылки.

В Таблице 5 приводятся данные о росте по отраслям промышленности. Бросается в глаза то, что рост начал происходить прежде всего в отраслях, ориентированных на удовлетворение потребностей населения, причем отнюдь

не первичных потребностей, а также в отраслях неэнергетического экспорта. Причем из отраслей внутреннего спроса особенно быстрыми темпами росло производство (сборка) цветных телевизоров, компьютеров, средств связи, мотоциклов и легковых автомобилей, хлопчатобумажных тканей. Заметно сокращалось производство и потребление электроэнергии, что в современной ситуации также является скорее позитивным фактором.

Таблица 5. Динамика промышленного производства по отраслям в 1997 году

(в % к 1996 году)

ВСЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	101,9
В том числе:	
Электроэнергетика	97,9
Топливная промышленность	100,3
В том числе:	
Нефтедобывающая	101,3
Нефтеперерабатывающая	100,9
Газовая	97,6
Угольная	95,0
Черная металлургия	101,2
Из нее:	
Производство черных металлов	98,3
Производство труб	98,1
Коксохимическая промышленность	100,8
Производство метизов производственного назначения	108,6
Производство электроферросплавов	129,7

Цветная металлургия	105,0
Из нее	
Алюминиевая	103,8
Гринадзем	110,8
Медная	99,9
Никель-кобальтовая	119,8
Никель	123,5
Свинцово цинковая	110,2
Свинец, включая вторичный	171,0
Цинк	108,5
Химическая и нефтехимическая промышленность	102,0
Из нее	
Основная химия	100,1
Промышленность химических волокон и нитей	95,4
Промышленность синтетических смол и пластмасс	111,4
Промышленность синтетических красителей	112,1
Лакокрасочная промышленность	99
Производство синтетического каучука	90,5
Шинная промышленность	111,6
Шины для грузовых автомобилей	105
Шины для легковых автомобилей	136
Шины для сельскохозяйственных машин	118,3
Машиностроение и металлообработка	103,5

Из него:	
Железнодорожное машиностроение	82
Металлургическое машиностроение	85
Электротехническая промышленность	93,5
Химическое и нефтехимическое машиностроение	95,6
Станкостроительная и инструментальная промышленность	85
Приборостроение	105,8
Персональные ЭВМ	129,8
Счетчики электричества однофазные	154
Промышленность средств связи	123,2
Телевизоры цветного изображения	В 2,4 раза
Автомобильная промышленность	112,6
Из нее:	
Грузовые автомобили	108
Легковые автомобили	113,5
Автобусы	121,6
Автомобили со спец кузовами	120,2
Мотоциклы	138,3
Велосипеды	138,3
Тракторное и сельскохозяйственное машиностроение	91,9
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	101,2
Из нее:	
Лесозаготовительная	95,3
Деревообрабатывающая	93,7

Целлюлозно-бумажная	101,9
Картон	119,8
Промышленность строительных материалов	96
Из нее:	
Цементная	96
Промышленность сборных железобетонных конструкций	87,6
Промышленность стеновых материалов	90,8
Промышленность строительной керамики	97
Промышленность строительных материалов и изделий из полимерного сырья	112,3
Асбестовая промышленность	115,4
Промышленность нерудных строительных материалов	89,6
Легкая промышленность	97,6
Из нее:	
Текстильная промышленность	101,9
Ткани всех видов	111,2
Швейная промышленность	118,6
Пальто и полупальто	107,9
Плащи	106,3
Костюмы	143
Кожевенная, меховая и обувная промышленность	85
Пищевая промышленность	99,2
Из нее:	
Пищевкусовая	100,7
Сахар-песок	114,3

Кондитерские изделия	108,5
Макаронные изделия	104,2
Маргариновая продукция	111,3
Мясная и молочная	88,3
Рыбная	99
Мукомольно-крупяная	101
Мука	101,3

Госкомстат

4. Посткоммунистическая трансформация: общее и особенное.

До сих пор мы рассматривали общемировые тенденции, характеризующие кризис советской системы и развитие России после коммунизма. Однако помимо этих тенденций существует ряд специфических характеристик, связанных именно с посткоммунистическим преобразованием страны. При анализе этих особенностей можно вполне отчетливо наблюдать как общие черты, присущие всем посткоммунистическим государствам, так и специфические особенности России.

Прежде всего, в кризисе 90-х годов прослеживается целый набор черт и закономерностей собственно посткоммунистической трансформации. Все они являются стандартными и могут быть так или иначе обнаружены при анализе опыта всех стран Центральной и Восточной Европы. Анализу их опыта посвящено большое число исследований⁷. Так или иначе эти характеристики (закономерности, тенденции) описываются в терминах «вашингтонского

⁷ См., например: Fisher, Sahay, Vegh, 1996; Blanchard, Froot, Sachs, 1994.

консенсуса» с добавлением к традиционной интерпретации этого понятия набора структурных и институциональных реформ⁸. Перечислим их коротко.

Во-первых, либерализация цен и преодоление товарного дефицита. Здесь надо особо отметить, что либерализация в посткоммунистическом мире не является данью идеологии или чьего-то опыта. необходимость либерализации естественным образом вытекает из исключительной централизации и администрирования советской хозяйственной системы и в этом отношении непосредственно связана с демократизацией политической системы.

Во-вторых, сам кризис централизованной системы делает быструю либерализацию неизбежной и жизненно необходимой. Более того, в странах, в которых экономический кризис советской системы достигал особой остроты, промедление с либерализацией было чревато продовольственным и энергетическим кризисом по причине полной разбалансированности хозяйственных связей. Именно поэтому наиболее резкие шаги в сторону либерализации были сделаны в странах, испытавших наиболее острый кризис при выходе из коммунистической системы (например, в России и в Польше). В этом отношении можно утверждать, что радикальная либеральная политика всегда является вынужденной мерой, к которой прибегают лишь тогда, когда все другие ресурсы стабилизации ситуации оказываются исчерпанными.

В-третьих, либерализация (прежде всего внешнеэкономических связей) является естественной реакцией на сверхмонополизацию экономики советского

⁸ Понятие «вашингтонский консенсус» появилось в ходе дискуссии в Вашингтонском Institute for International Economics в выступлении одного из ведущих в то время сотрудников этого Института J. Williamson'a. (Williamson, 1991). Проблемы «поствашингтонского консенсуса» вообще и применительно к посткоммунистическим странам рассмотрены в выступлении Дж. Стиглица (Stiglitz, 1998). Судя по последним заявлениям, руководства Всемирного банка (в состав которого входит и Стиглиц) в последнее время склонно рассматривать

типа. Последняя строилась в логике индустриализма по принципу «единой фабрики» и в силу этого не обладает достаточными внутренними ресурсами для конкуренции.

Следующей закономерностью является приватизация. В принципе, этот комплекс мероприятий также является естественной формой реакции на тотальной огосударствления коммунистической системы и в принципе имеет целью повышение эффективности функционирования экономики. Однако на практика и практические результаты приватизации существенно различаются в России и в странах ЦВЕ. О причинах этого будет сказано ниже.

Практика всех стран показывает, что решение либерализационных задач предшествует приватизации. Хотя в теоретических работах и программах по посткоммунистической трансформации нередко можно прочесть о предпочтительности проведения приватизации до либерализации (особенно либерализации цен), опыт всех посткоммунистических стран не подтверждает подобный вывод.

Стандартной для большинства стран является и проблема неплатежей как реакция фирм на либерализацию. Практически во всех странах с сильной макроэкономической разбалансированностью хозяйственной системы уровень неплатежей доходил до 20% ВВП, но затем, по мере финансового оздоровления снижался.

Все страны продемонстрировали и монетарную природу высокой инфляции. Споры о немонетарной природе инфляции, столь популярны в начале 90-х годов, на сегодня почти везде прекратились. Другое дело, что со

«поствашингтонский консенсус» как своего рода свою официальную идеология. (См.

снижением инфляции до уровня ниже 40% годовых появляются дополнительные (структурные) факторы, обуславливающие рост цен.

Наконец, практически во всех странах экономический рост начинается при понижении инфляции до уровня менее 40% годовых и снижении реальной ставки процента до 10%. Именно это произошло в России в 1997 году.

По мере становления рыночной экономики существенную роль приобретают собственно институциональные факторы. Создание эффективных прав собственности оказывается ключевым в этом отношении. Правда, почти всегда возникает конфликт между фискальной и экономической задачами приватизации, разрешение которого в значительной степени зависит от общих условий развития данной страны - стабильности денежной политики, остроты бюджетного кризиса, а также от наличия или отсутствия политической стабильности и национального консенсуса относительно целей осуществляемых реформ.

Вместе с тем, российская трансформация обладает рядом специфических черт, которые заставляют говорить о ее особом характере. Причем этот особый характер проявляется по крайней мере в двух отношениях.

С одной стороны, налицо длительность решения тех или иных экономических задач. Все происходит сложнее, все решения носят отложенный характер. Хотя было бы неверным утверждать, что все это является какой-то особой спецификой России. Отложенный характер стабилизации вообще является хорошо известной проблемой из опыта многих латиноамериканских

Вульфенсон, 1998).

стран и связан с отсутствием достаточно влиятельной коалиции антиинфляционных сил. Аналогично складывалась ситуация в Польше, в Литве.

С другой стороны, срыв в инфляционную спираль (или, если угодно, к политике популизма), также является достаточно изученным феноменом - и по опыту Латинской Америки, и по опыту Болгарии и Украины. Вообще, опасность «болгаризации» российской экономической реформы обсуждалась российскими реформаторами с конца 1996 года.

Впрочем, названные факторы неустойчивости современного развития России предопределяют лишь тактические проблемы и, по сути, еще не выводят страну за рамки стандартных посткоммунистических закономерностей. Однако существуют и другие особенности, которые существенно, стратегически выделяют Россию из опыта других стран «соцлагеря».

Имеется в виду революционный характер происходящей в России трансформации. Этот вывод имеет в данном случае не политическое, а методологическое значение. Как свидетельствует исторический опыт революций, преобразования такого типа имеют ряд важных особенностей, без учета которых практически невозможно ни сформировать реальную картину преобразований, ни оценить возможные (а не просто желательные) альтернативы развития событий.

5. Специфика революционной трансформации.

Как уже было отмечено выше, принципиальной отличительной чертой российской посткоммунистической трансформации является, по нашему мнению, их революционный характер. Строго говоря, это связано не с посткоммунистическими реформами как таковыми, но с механизмом адаптации

страны к вызовам постиндустриальной эпохи. Как выход их коммунизма, так и характер этого выхода предопределяются рядом конкретных экономических, политических и историко-культурных факторов. В самом общем виде можно сказать, что СССР не обладал необходимым адаптационным потенциалом для того, чтобы эволюционно пройти через кризис индустриального общества. Тем самым безотносительно к форме разрешения этого кризиса, принципиально важно видеть тот факт, что существо начавшегося перехода не сводится лишь к проблеме преодоления коммунизма, но должно рассматриваться в общем контексте мирового социально-экономического развития⁹.

Революция как определенный способ трансформации общественно-экономической системы характеризуется набором ряда признаков, среди которых главными являются следующие.

Во-первых, системный характер, преобразований, их глубина и радикальность. Справедливость этого тезиса применительно к России вряд ли нуждается в особом обосновании. Правда, это приложимо и к другим посткоммунистическим странам. (Впрочем, глубину преобразований, происходящих в ходе революции, не следует и переоценивать. Что же касается такого критерия, как радикальность смены элит, то при детальном рассмотрении революций прошлого выясняется, что представления о

⁹ Мы не ставим перед собой задачу подробного анализа того, можно ли отнести к революциям события, связанные с падением коммунистических режимов в восточноевропейских странах и бывших республиках Советского Союза. Отметим лишь, что, по нашему мнению, в ряде государств Восточной Европы коммунистический режим был навязан извне, и потому при прекращении внешней поддержки его падение произошло достаточно просто и безболезненно, без принципиального ослабления государственной власти. Хотя в некоторых случаях, в частности применительно к Польше, Болгарии, Румынии, этот вопрос заслуживает дополнительного изучения.

радикальности этого процесса были сильно преувеличены в общественном сознании потомков¹⁰).

Во-вторых, революционная трансформация обусловлена внутренними факторами развития той или иной страны. Она не может быть навязана извне. Это предопределяет определенную политическую и идеологическую среду революции, когда вместе с разрушением государства рушатся и казавшиеся незыблемыми ценности (будь то святость монархии, единство нации или мессианская роль мирового коммунизма). И это уже существенно отличает российскую ситуацию от других посткоммунистических стран, в которых, по сути, произошло освобождение от режима, навязанного извне, то есть оккупационного, а потому имело результатом возникновение устойчивого национального консенсуса. В России же, для которой посткоммунистические преобразования стали и временем крушения империи, характерной чертой стала как раз утрата национального консенсуса по базовым ценностям.

В-третьих, слабое государство. Революция характеризуется отсутствием сильной политической власти, способной консолидировать осуществление системных преобразований. Именно слабость власти предопределяет резкое усиление в революционном обществе стихийности осуществления социально-экономических процессов, с одной стороны, и появление по этой причине некоторых закономерностей революционной трансформации, с другой стороны.

Последний фактор является критически важным. На самом деле именно кризис и последующий за ним распад государственной власти делает практически неизбежной трансформацию общества по революционному (а не

¹⁰ См., например: Goldstone, 1991. p. 296.

реформистскому) типу. Радикализм революционной ломки набирает силу и приобретает стихийный характер тогда, когда власть оказывается неспособна контролировать и направлять развитие событий¹¹.

Приведенная здесь интерпретация может вызвать ряд возражений как не учитывающая некоторые характеристики, которые принято считать неотъемлемыми чертами всякой революции. Прежде всего это насилие, также наличие стихийного массового движения и радикальность смены элит. Этот вопрос заслуживает особого рассмотрения, здесь же мы обратим внимания только на два момента. Насилие, безусловное наличествующее во всякой революции, однако всегда возникает вопрос: какова мера насилия, «достаточная» для того чтобы трансформация могла быть определена как революция. Словом, критериальная роль этого момента является весьма ограниченной. Весьма специфичным является и критерий массового неорганизованного движения - его обычно выводят из опыта революций в странах с преобладающим крестьянским населением.

Слабость государства проявляется в целом ряде особенностей развития революционного общества - особенностей, достаточно типичных для любых революций, в какую бы эпоху они не совершались. Среди наиболее типичных, универсальных проявлений слабости государственной власти здесь можно выделить следующие: постоянные колебания экономического курса. Революционная власть находится в постоянном поиске новых, более

¹¹ К любой великой революции применима данная Ф.Фюре, характеристика Франции конца 18 столетия: "The fact is that between 1789 and 1794 the revolutionary tide, though dammed up and channelled by groups that successively came to power - having first fallen in line with it - was never really controlled by anyone, because it was made up of too many opposing aims and interests" (Furet, 1985, p. 124).

эффективных способов и механизмов осуществления своих целей, причем сами эти цели никогда не являются сколько-нибудь четко сформулированными;

возникновение множественности центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе. “Двоевластие” - термин, вошедший в отечественную политическую лексику на фоне опыта Февральской революции 1917 года, на самом деле является характерной чертой любой великой революции. Более того, центров власти может быть не два, а больше. Причем предельным, хотя и не единственным типом конкуренции центров власти является гражданская война; отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре после начала революции оказываются разрушенными, а новые еще только предстоит создать. В результате функции политических посредников могут выполнять самые разнообразные, стихийно возникающие организации и институты; соответственно, отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся «правил игры». Процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными. Принятые решения далеко не всегда исполняются, а даже когда исполняются, трактуются весьма субъективно. Высказывание Робеспьера о том, что конституцией революции является соотношение социальных сил, оказывается актуальным в любых революционных катаклизмах.

Проблема слабости государства имеет ключевое значение для понимания реальных рамок осуществляемого социально-экономического курса, осознания пределов возможного для власти, оценки реализованного и упущенного. Это тем более важно, что применительно к современной России вывод о слабости государственной власти вызывает существенные сомнения по ряду очевидных причин.

Известно, что власть в СССР отличалась исключительной стабильностью и силой, способностью навязывать свои интересы как собственному народу, так и многим зарубежным странам. В результате общественное мнение страны было склонно скорее переоценивать возможности своего государства, чем недооценивать их. Кроме того, с конституционно-правовой точки зрения Правительство (или, если угодно, «исполнительная вертикаль») не только в СССР, но и в посткоммунистической России, было и остается чрезвычайно мощным, обладая правами, значительно превосходящими полномочия других демократических, а формально - и не только демократических стран¹².

И все-таки государственная власть России конца 80-х - 90-х годов оставалась и остается слабой. И особенно слабой оказалась она в середине 90-х годов, постоянно колеблясь и отступая, сталкиваясь с более или менее жесткой оппозицией со стороны различных центров силы и групп интересов. Поразивший страну затяжной финансовый кризис (прежде всего связанный с падением мировых цен на нефть, но не только с ним) существенно сузил поле возможного маневра коммунистических властей (см. Гайдар, 1996, с. 161-173). На фоне финансового кризиса дало о себе знать усложнение социальной структуры советского общества, все далее уходящего от традиционной индустриальной структуры. Быстро формировались новые группы интересов, возникали противоречия между ними. На естественное для централизованной

¹² Сила и жесткость власти в СССР, устойчивость советской политической системы создали видимость ее незыблемости не только среди отечественных обществоведов (что вполне естественно), но и у значительной части западных аналитиков. Возможность радикальных сдвигов, революционных потрясений большинство исследователей связывали со слаборазвитыми или среднеразвитыми странами Азии и Африки, но никак не с Советским Союзом. Именно так оценивал ситуацию и перспективы ее развития, скажем, S.Hantington, выделяя СССР и США как страны наиболее устойчивого, наиболее стабильного типа (Hantington, 1991). Это стало своеобразной методологической традицией, которая в дальнейшем воспроизводилась в работах многочисленных авторов - политологов, экономистов, да и собственно советологов.

индустриальной экономики расхождение интересов отдельных отраслей накладывался конфликт между рентабельными и нерентабельными предприятиями, возникавшими уже в рамках одной отрасли. Усиливались расхождения интересов между отдельными союзными республиками и регионами. Назревал конфликт между окрепшей региональной и центральной (союзной) политической элитой. Начались расколы внутри самой номенклатуры как реакция на чрезмерную стабильность кадровой политики 70 - начала 80-х годов, когда движение кадров было практически заморожено. Все это формировало исключительно конфликтную и потенциально малоуправляемую социальную среду.

И именно это стало критически важным фактором развития страны после выхода за коммунистические рамки в начале 90-х годов.

Слабость государства предопределяет и отложенный характер экономических преобразований (прежде всего институциональных и структурных), и определенные закономерности развития страны¹³, и специфику таких масштабных общественных преобразований, каким является приватизация. Именно революционный характер российских перемен привел к тому, что приватизация, как и в других революциях, была нацелена здесь не на формирование эффективного собственника, но в первую очередь на решение социальных и финансовых задач власти¹⁴.

Каковы характеристики слабого государства в условиях революции?

¹³ Эти закономерности типичны для всех крупных революций. (См. Brinton, 1965; Мау и Стародубовская, 1990).

¹⁴ См. об этом подробнее (Мау и Стародубовская, 1998а).

Во-первых, это неспособность собирать налоги, что приводит к постоянным изменениям в налоговой системе, к замене одних плохо собираемых налогов другими такими же.

Во-вторых, острый бюджетный кризис, инфляция или значительная задолженность бюджета перед получателями бюджетных ресурсов. Правительство, неспособное финансировать народное хозяйство на привычном уровне, вынуждено или прибегать к инфляции, или (когда оно для этого достаточно сильно) просто отказывается платить по своим обязательствам¹⁵. Российские проблемы в этом отношении отнюдь не являются уникальными.

В-третьих, постоянные проблемы с финансированием силовых структур, что нередко оборачивается переводом армии на самокупаемость (через участие в боевых действиях¹⁶).

В-четвертых, специфические черты приватизации. В принципе приватизация может решать три группы задач - фискальную (пополнение бюджета), экономическую (формирование эффективного собственника) и политическую (обеспечение поддержки власти со стороны общества и отдельных групп интересов). Характерной чертой революций является доминирование на протяжении значительного периода времени последней

¹⁵ Франция рубежа XVIII-XIX веков дает этому характерные примеры (характерные не только для Франции, но и для всех других великих революций). Во-первых, так называемое «банкротство двух третей» - решение термидорианского правительства аннулировать 2/3 государственного внутреннего долга. Во-вторых, постоянная задолженность правительства перед бюджетополучателями в регионах (департаменты). В этом последнем случае весьма характерным является следующее описание: «[I]f we could revisit any great provincial town of France as it stood in any year from 1808 to 1815 we should find the school-masters and clergy starving upon miserable pittance, the schools empty of scholars, the public hospitals short of nurses and appliances, industry at standstill, and the government of town listless, incurious and stapped of all initiative» (Henderson, p. 81).

¹⁶ Именно факторами бюджетного кризиса объясняют некоторые исследователи агрессивность внешней политики и Наполеона, и Кромвеля. “Yet an army and navy regulary in arrears was as dangerous as a dissatisfied squire or merchant. The only solution which Cromwell seems to have

функции. То есть слабое правительство естественным образом стремится использовать перераспределение прав собственности в целях стабилизации и укрепления своего положения. Это многое объясняет и в характере ваучерной приватизации¹⁷, и в знаменитых «loan for shares deal» 1995 года, и в «банковской войне» 1997 года.

В-пятых, неустойчивость политического режима, аморфность структуры политических организаций (как партий, так и институтов власти) приводит к тому, что исключительно значимую роль в формировании и реализации экономической политики начинают играть организованные группы интересов. Проанализированная М.Олсоном «логика коллективных действий» (Olson, 1965) особенно применима как раз к революционной эпохе, когда группы интересов действуют как бы «в чистом виде». Группы интересов влияют на исполнительную власть непосредственно, не будучи опосредованы политическими партиями и представительными институтами - и те, и другие оказываются слишком слабы, чтобы играть роль посредников между интересами и правительством. Причем положение этих групп также не является исключительно устойчивым, ярким подтверждением чего стал кризис влияния и крушение в 1998 году тех влиятельных экономико-политических агентов, которых в 1996-1997 годах было принято считать «олигархами».

Именно это предопределяет и особенности формирования предпосылок преодоления революционного кризиса. Он непременно связан с авторитаризмом политической власти, способным добиться консолидации власти в условиях

conceived in face of this dilemma was that his vigorous foreign policy... might itself made be made a source of revenue" (Ashley, 1962, p. 17).

¹⁷ Кстати, механизм, близкий к ваучерной приватизации, был характерен для большинства великих революций прошлого, и не является специфическим российским know-how. (См.: Мау, Стародубровская, 1998а, с. 50-52).

отсутствия консенсуса по базовым ценностям. Это становится и важным фактором решения экономических проблем вне логики популизма.

В современной российской ситуации это, в частности, актуализирует вопрос относительно конституции. Конституция 1993 года является по сути своей авторитарной. Но до последнего времени это был как бы «авторитаризм в себе», который не находил последовательного внешнего проявления. Теперь же ситуация должна измениться. Хотя открытым остается вопрос о принципиальной возможности возникновения ситуации «конституционного авторитаризма»¹⁸.

Именно эти факторы и определяют перспективы социально-экономического и политического развития России. Причем все они достаточно хорошо известны из опыта отдаленного и не очень отдаленного прошлого. То есть специфика России, хотя и существует, но является прежде всего феноменом специфического характера ее посткоммунистической трансформации.

¹⁸ В настоящее время, осенью 1998 года, проблема авторитаризма оказалась непосредственно связанной с существующими реальными альтернативами экономической политики. Обе альтернативы (инфляционистская и жесткая стабилизационная) предполагают авторитарную политическую форму их осуществления. (См. подробнее Мау и Стародубовская, 1998b).

Библиография.

Ashley Maurice. 1962. Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate. London.

Blanchard O., Froot K., Sachs J. (eds). 1994. The Transition in Eastern Europe. Chicago: University of Chicago Press.

Brinton Crane. 1965. The Anatomy of Revolution. New York: Vintage Books.

Fisher S., Sahay R., Vegh C.A. 1996. Stabilization and Growth in Transition Economies: The Early Experience // Journal of Economic Perspectives. Vol. 10. N 2.

Fukuyama Francis. 1992. The End of History and the Last Man. London: Penguin Books.

Furet Francois. 1985. Interpreting the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press.

Goldstone J.A. 1991. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley: University of California Press.

Henderson W.O. 1961. The Industrial Revolution on the Continent: Germany, France, Russia 1800-1914. London: Franc Cass.

Huntington Samuel P. 1968. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press.

Huntington Samuel P. 1991. The Third Wave. Norman - London: University of Oklahoma Press.

Lingle Christopher. 1998. Whatever Happened to the «Asian Century»? // IntellectualCapital.com: Money, Markets & Management. February 12.

Maddison Angus, 1994. Monitoring the World Economy 1820-1992. Paris: OECD.

Mau Vladimir, 1996. The Political History of Economic Reform in Russia, 1985-1996. London: CRCE.

Olson Mancur. 1965. The Logic of Collective Action: public Groups and the Theory of Groups. Cambridge, Mass. - London: Harvard University Press.

Rosser J.B., Rosser M.V. 1997. Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collapse of Soviet-Bloc Socialism // Review of Political Economy. Vol. 9. N 2.

Stiglitz Joseph. 1998. More Instruments and Broader Goals: Moving toward the Post-Washington Consensus. Helsinki: UDU/Wider.

Williamson John (ed.).1990. Latin American Adjustment: How Much Has Happened. Washington DC: Institute for International Economics.

Ворожейкина Т.Е. 1997. Демократизация и экономическая реформа. Опыт сравнительного анализа России и Латинской Америки // Куда идет Россия ?.. Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т.И.Заславской. - М., Интерцентр.

Вульфенсон Джеймс Д. 1998. Другой кризис: Выступление перед Советом управляющих. Вашингтон, IBRD.

Гайдар Е. 1996. Аномалии экономического роста. М.: Евразия.

Гайдар Е. 1997. Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику // вопросы экономики. 1997. № 4.

Мау В., Стародубровская И. 1990. Перестройка как революция: Опыт прошлого и попытка прогноза // Коммунист. N 11.

Мау В., Стародубровская И. 1998а. Экономические закономерности революционного процесса // Вопросы экономики. 1998. N 4.

Мау В., Стародубровская И. 1998b. *Í ãðõàõùáé àèèðàðòðá* // Независимая газета. 1998. 3 сентября.

Мау В. 1998. Политическая природа и уроки финансового кризиса // Вопросы экономики. 1998. № 11.

Мельянцеv В.А. 1996. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: Изд-во МГУ.

Хайек Ф.А., 1983. Дорога к рабству. London: Nina Karsov.

Шумпетер Й. 1995. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика.